

ТЕХНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ХРИСТИАНСКИЙ ИДЕАЛЪ.

Въ медвѣжьихъ углахъ Россіи нерѣдко случается наблюдать, какъ простолудинъ, впервые увидавъ мчащійся поѣздъ, автомобиль или аэропланъ, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и бормочетъ «Съ нами крестная сила!» Онъ боится, не довелось ли ему подпасть дьявольскому наважденію.

Такого суевѣрнаго страха нѣтъ у образованнаго православнаго человѣка, однако и онъ, если только онъ проникнуть православіемъ до глубины души, считаетъ чрезмѣрное увлеченіе свѣтскою культурою, въ частности культурою технической, — зломъ, соблазномъ отъ дьявола.

Для просвѣщеннаго европейца такіе взгляды — одно изъ доказательствъ отсталости этихъ людей и «реакціоннаго» характера православной и вообще церковной религіозности. Однако намъ хорошо уже извѣстно, до какой степени поверхностно было «просвѣщеніе» XVIII вѣка, и потому не удивительно, если въ нашъ умъ закрадывается подозрѣніе, не поверхностно-ли также и «просвѣщеніе» XX вѣка. Посмотримъ, нѣтъ-ли у простодушнаго православнаго человѣка глубокихъ, правильныхъ,

хотя и неопознанныхъ основаній съ недовѣріемъ относиться къ технической культурѣ.

На чемъ сосредоточены помыслы подлиннаго христіанина, что составляетъ послѣдній предѣлъ его упованій? — Конечно, единство съ Богомъ и всѣми тварями Его на основѣ любви, созиданіе Царства Божія, гдѣ Богъ есть «всяческая во всѣхъ». Въ этомъ Царствѣ множество живыхъ существъ образуютъ «Едино Тѣло и Единъ Духъ». Въ этомъ Царствѣ не утрачивается индивидуальность человѣческой души, въ немъ не угашается личность, христіанинъ ожидаетъ воскресенія во плоти, слѣдовательно, надѣется на сохраненіе индивидуальнаго духовно-тѣлеснаго бытія и тѣмъ не менѣе признаетъ, что множество духовно-тѣлесныхъ индивидуальностей образуетъ въ Царствѣ Божіемъ «Едино Тѣло и Единъ Духъ». Какъ возможно такое единство? — Оно осуществимо лишь въ томъ случаѣ, если множество личностей проникнуты другъ къ другу и къ Богу такою совершенною любовью, что живутъ вполнѣ, какъ Единъ Духъ: 1) мысль cadaго непосредственно есть достояніе всѣхъ; 2) хотѣніе cadaго непосредствен-

но подхватывается и соборно осуществляется всѣми. Такое цѣлостное единство многихъ лицъ есть конкретное *единосущіе ихъ**) во всѣхъ существахъ этого царства осуществляется Единъ Духъ Христовъ въ тысячахъ индивидуальныхъ обнаруженій; каждое индивидуальное тѣло есть органъ Единого Тѣла Христова, духоноснаго, преображеннаго, въ которомъ нѣтъ раздѣленія, нѣтъ непроницаемости, осуществлена совершенная взаимопроникнутость тѣлъ. Такое бесконечно сложное и тѣмъ не менѣе цѣлостное царство бытія обезпечиваетъ каждому своему члену-индивидууму бесконечную полноту бытія и бесконечную силу творчества, такъ какъ здѣсь нѣтъ взаимостѣсненій и есть, наоборотъ, совершенное взаимосочетаніе силъ.

Ведеть-ли въ направленіи къ достиженію этого идеала современная техническая культура? Преодолеваетъ-ли она разъединеніе существъ въ пространствѣ и времени? — На этотъ вопросъ многіе, не задумываясь, отвѣтятъ: Да, конечно. Скорые поѣзда, автомобили, аэропланы чрезвычайно сократили разстояніе между различными точками земли. Поверхность земли какъ бы сократилась въ нѣсколько десятковъ разъ, нисколько не утративъ своего богатства и разнообразія. Еще въ большей степени это объединеніе достигнуто посредствомъ телеграфа, телефона, радіо. Свою проповѣдь папа Римскій могъ-бы сдѣ-

---

*) О различіи конкретного и отвлеченнаго единосущія см. мою книгу «Міръ какъ органическое цѣлое», также книгу «Свобода воли».

лать слышною почти въ моментъ ее произнесенія во всѣхъ католическихъ костелахъ всей земли. Недалеко то время когда радіо-аппараты будутъ давать не только слышаніе, но и видѣніе предметовъ на разстояніи: тогда политическій митингъ, происходящій въ Лондонѣ, или похороны великаго человѣка въ Парижѣ будутъ видимы во всѣхъ уголкахъ земли; тогда будетъ достигнута *multi-praesentia* дѣйствительности, какъ бы наличествованіе предмета сразу во множествѣ мѣстъ. Это ли не побѣда надъ пространствомъ и временемъ, надъ разъединеніемъ существъ въ нихъ и достигается она естественными средствами, безъ Бога и Царства Божія.

Есть однако еще одна черта въ составѣ христіанскаго идеала Царства Божія: надежда на достиженіе полноты бытія и творческой дѣятельности. Защитникъ современной культуры и тутъ отвѣтитъ намъ, — быть можетъ, впрочемъ, нѣсколько поколебавшись: несомнѣнно, что современная культура сопутствуется нарастаніемъ сложности, содержательности и, слѣдовательно, полноты бытія. Въ наши дни крупный общественный дѣятель можетъ въ одинъ день совершить огромное количество дѣлъ, вступить въ сношенія съ множествомъ лицъ, получить массу впечатлѣній и, наконецъ, испытать рядъ удовольствій: политическіе переговоры, биржевыя дѣла, огромная корреспонденція, визиты въ разныхъ частяхъ города, прогулка въ автомобилѣ въ загородный паркъ, спектакль вечеромъ — все это можетъ быть вмѣщено въ составъ од-

ного дня въ такомъ количествѣ, что осуществленіе этихъ дѣятельствъ должно было бы потребовать цѣлого мѣсяца жизни въ XVIII вѣкѣ. И не только видные люди, самые скромные труженники испытываютъ въ такой же пропорціи усложненіе жизни: сравните дѣятельность кондуктора дилижанса, ѣздившаго между двумя англійскими городами въ началѣ XIX в. и кондуктора современнаго трамвая въ Лондонѣ. Какая разница въ количествѣ служебныхъ дѣйствій, въ количествѣ встрѣчъ съ людьми и сравнительно сложныхъ комбинацій, требующихъ немедленнаго отвѣта и поступка!

Однако, если отъ количественныхъ усложненій жизни обратиться къ вопросу о *качественномъ* цѣнностномъ поднятій ея уровня, особенно къ вопросу о томъ, наблюдается-ли въ современной культурѣ повышеніе качества *творчества*, всякій скажетъ, что врядъ-ли такое совершенствованіе жизни осуществляется, врядъ-ли качество поспѣваетъ за количествомъ. И тогда въ нашей душѣ зародится сомнѣніе; передъ нами встанетъ тревожный вопросъ, все-ли правильно на томъ пути, которымъ мы идемъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, подвергнемъ анализу тѣ способы, которыми современная культура достигаетъ усложненія жизни, отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, какія силы она используетъ, совершенствуя технику.

Разсмотримъ для этой цѣли прежде всего средства передвиженія въ пространствѣ: паровозы, пароходы, автомобили, аэропланы и т. п. Всѣ эти машины осно-

ваны на использованіи силъ *отталкиванія*, т. е. именно тѣхъ силъ, которыя по самому понятію своему выражаютъ *разъединеніе* и если могутъ привести къ объединенію, то лишь внѣшнему, сводящемуся только къ пространственной близости. Если мнѣ напомнятъ о трамваѣ и другихъ случаяхъ использованія электрической силы притяженія, то это ничуть не измѣнитъ моего тезиса: не только трамвай, всякая машина предполагаетъ силу притяженія, напр. всѣхъ твердыхъ частей ея, поскольку есть сцѣпленіе ея молекулъ, однако во всѣхъ этихъ случаяхъ техническая цѣль достигается лишь постольку, поскольку сила притяженія необходимо комбинируется съ силою отталкиванія, и использованіе этихъ силъ приводитъ къ сближенію съ какимъ либо А не иначе, какъ путемъ удаленія отъ какого либо В: приблизившись къ Парижу, я утрачиваю Москву или Петроградъ. Но этого мало, какъ сказано, и самое сближеніе мое есть только *внѣшнее* отношеніе, пространственно-временная смежность, при которой можетъ остаться или даже возрасти внутренняя чуждость, отсутствіе взаимопроникновенія между тѣмъ, что внѣшне стало близкимъ или даже смежнымъ.

Почти всѣ отрасли нашей технической культуры имѣютъ цѣлью создавать внѣшнія сближенія или разъединенія. Жилища и одежды защищаютъ отъ непосредственныхъ воздѣйствій природы. Добываніе, храненіе и переработка пищевыхъ веществъ и т. п. — все это дѣятельности осуществляющія пространственныя разъединенія и внѣшнія пространственныя

объединенія. Даже въ областяхъ, болѣе высокыхъ, стоящихъ на верхней границѣ технической культуры, напр., въ медицинѣ, въ значительной мѣрѣ происходитъ то-же самое: наиболѣе развитые, точные, усовершенствованные способы врачеванія даетъ хирургія и даже лѣкарства современной медицины въ большинствѣ случаевъ суть яды, дѣйствіе которыхъ на организмъ имѣетъ характеръ насилія.

Отдавъ себѣ отчетъ въ описанныхъ свойствахъ нашей технической культуры, мы перестанемъ чрезмѣрно гордиться расширеніемъ жизни, достигнутымъ въ XX вѣкѣ. Объединеніе міра, осуществляемое нами, и наше единеніе съ міромъ оказывается не подлиннымъ: это объединеніе, сочетающееся съ разъединеніемъ, накопленіе разъединенныхъ внутренно *агрегатовъ*, — это грандіозная фальсификація, *поддѣлка единства*.

Не удивительно, что и расширеніе нашего сознанія, получающееся вслѣдствіе усовершенствованія средствъ внѣшняго сношенія съ міромъ, оказывается неорганическимъ: множество впечатлѣній и дѣятельностей, возникая на основѣ внѣшнихъ отношеній къ міру, образуютъ въ нашей душѣ не гармоническое единство, не цѣлость, въ которой элементы требуютъ и подкрѣпляютъ другъ друга, такъ что, чѣмъ ихъ больше, тѣмъ прочнѣе система, а, наоборотъ, — нагромождаются въ видѣ хаотическаго скопленія, въ которомъ многіе элементы противоборствуютъ другъ другу, ослабляютъ другъ друга и ведутъ къ ослабленію всего строя души. Отсюда

объясняется разростаніе душевныхъ болѣзней въ современномъ обществѣ: нервно-истерія, психостенія, неудовлетворенность жизнью, самоубійство распространяются въ угрожающихъ размѣрахъ.

«Чего-же вы хотите?» — зададутъ мнѣ вопросъ. «Для устраненія пространственнаго и временнаго разъединенія, для преодоленія разъединенія вообще нѣтъ иного пути, кромѣ того, которымъ идетъ человѣческая культура». — Нѣтъ, есть иной путь, отвѣчу я. Конечный предѣлъ этого подлиннаго пути намѣченъ въ христіанскомъ идеалѣ «Едино Тѣло и Единъ Духъ». Сущность этого пути — осуществленіе полнаго конкретнаго единосуція на основѣ совершенной любви. Къ сожалѣнію, однако, мы столь далеки отъ осуществленія этого идеала, что ссылка на него рискуетъ остаться пустымъ словомъ. Чтобы полнѣе осознать путь къ идеалу и выразить различныя стороны его въ отвлеченныхъ понятіяхъ, зададимся вопросомъ, нѣтъ ли въ повседневной жизни хотя бы предварительныхъ ступеней движенія къ совершенному единству, нѣтъ-ли примѣровъ конкретнаго единосуція, хотя бы ограниченаго, дающаго не космическое цѣлое, а цѣлое хотя бы нѣсколько дѣятелей, объединенныхъ въ формѣ частичнаго *взаимопроникновенія*. Такой примѣръ мы найдемъ въ единствѣ нашего собственнаго организма. Тѣло наше содержитъ въ себѣ множество клѣтокъ, изъ которыхъ каждая есть относительно самостоятельный организмъ, живое существо; мало того, каждый атомъ, даже элек-

Тронъ ёсть самостоятельная ёдиница, самостоятельный центръ дѣйствій; и тѣмъ не менѣе это множество дѣятелей есть относительно цѣлостное единство, совершающее координированные акты подъ руководствомъ высшаго дѣятеля, моего я. Несмотря на пространственную сложность моего тѣла, я присутствую во всѣхъ частяхъ его своимъ сознаниемъ, чувствомъ и волею. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя въ виду такіе факты, какъ сознание боли отъ порѣза пальца, сознание голода, жажды, бодрой тѣлесной активности и т. п., можно говорить о вседѣприсутствіи (*omnipraesentia*) моего я въ тѣлѣ, путемъ сознания и знанія; наблюдая такіе факты, какъ произвольное сокращеніе мышцъ, вліяніе моихъ эмоцій навсѣ отправленія тѣла, можно говорить о вседѣприсутствіи моего я въ тѣлѣ волею и чувствомъ.

Вседѣприсутствіе я въ тѣлѣ не есть быстрое перемѣщеніе я внутри тѣла отъ одной клѣточки къ другой, а также не перемѣщеніе клѣтокъ къ я. Правда, для объединенія я съ клѣтками требуется единство и цѣлость нервной системы, т. е. нѣчто напоминающее телеграфную сѣть, однако центростремительные нервные токи въ этой системѣ явнымъ образомъ суть только поводы, только стимулы, подстрекающіе мое я къ тому, чтобы я сосредоточилъ свое вниманіе непосредственно на жизнедѣятельности того или другого участка своего тѣла: въ самомъ дѣлѣ, боль при порѣзѣ пальца есть само болѣзненное въ состояніи клѣтокъ пальца, а не символъ, не копирующее боль представленіе въ моемъ

умѣ; мое знаніе объ этой боли есть непосредственная *интуиція* и непосредственное *соучастіе* моего я въ бѣдственномъ состояніи моего члена.

Такъ какъ весь міръ построенъ по однимъ и тѣмъ же принципамъ, то и телеграфное извѣстіе, сообщающее, напр., что «заболѣлъ японскій микадо», есть не что иное, какъ *поводъ* для того, чтобы мое я осуществило актъ *интуиціи*, направленный на событіе, — «заболѣлъ микадо», — совершающееся въ далекой отъ меня Японіи. Однако, какъ велика разница между интуиціею, направленною на болѣзненное состояніе моего пальца и интуиціею, имѣющею въ виду чуждого мнѣ микадо! Въ первомъ случаѣ въ сознаніи имѣется конкретная полнота событія и переживаніе интимной близости, а во второмъ — холодное отвлеченное имѣніе въ виду. Точно такое же различіе найдемъ мы и въ волевой сферѣ, напр. между произвольнымъ сокращеніемъ мышцъ моей руки и исполненіемъ моего приказа по телеграфу управляющему «пришлите деньги». Интимная близость моя къ органамъ тѣла такъ велика, что можно сказать: «я дѣйствую въ своихъ мышцахъ», но нельзя сказать «я дѣйствую въ управляющемъ». Дѣятельные элементы организма въ ихъ отношеніи другъ къ другу — не чужіе: здѣсь, по крайней мѣрѣ, частично снято противоборство, чужое стало своимъ, я люблю свое тѣло и тѣло мое любитъ меня; такъ, напр., самоотверженная борьба фагоцитовъ противъ болѣзнетворныхъ началъ имѣетъ характеръ служенія цѣлому, а не заботы о себѣ.

Такимъ образомъ въ организмѣ осуществляется конкретное единосушіе на основѣ любви; *συμπάθεια* стойковъ здѣсь развита въ высшей степени:*) это обнаруживается, во-первыхъ, въ полнотѣ интуиціи, и во-вторыхъ, въ согласіи стремленій различныхъ частей здороваго организма другъ съ другомъ и особенно со стремленіями того я, которое стоитъ во главѣ организма. Въ жизни моего организма ежеминутно осуществляется слѣдующій типъ интимнѣйшей корпорации двухъ или болѣе дѣятелей: моя воля какъ бы непосредственно дѣйствуетъ въ другомъ существѣ, именно въ какомъ-либо органѣ моего тѣла, напр. въ мышцахъ, — сила принадлежитъ этому другому существу, а оформление этой силы, именно направленіе ея, указаніе ей цѣли исходитъ отъ моего я. Такое вліяніе моего я на органы моего тѣла имѣетъ сходство съ тѣмъ, что можно было бы назвать магіей, магическимъ воздѣйствіемъ. Нужно однако тотчасъ-же сдѣлать оговорку: такое тѣсное сліяніе двухъ дѣятелей, при которомъ одинъ отказывается въ какомъ-либо отношеніи отъ своей самостоятельности и превращается въ орудіе другого, достигается двумя путями, глубоко отличными другъ отъ друга: путемъ насилія, т. е. вслѣдствіе страха или соблазна, и путемъ сочувственной симпатіи, любовнаго согласія; только первый случай внѣдренія одной воли въ

---

*) Согласно ученію *стойковъ* всѣ элементы мира находятся другъ съ другомъ въ тѣсной связи, такъ что всякая часть міра сочувствуетъ всемъ остальнымъ (*συμπάθεια τῶν ὄλων*).

сферу другой слѣдуетъ обозначить словомъ *магія*, а второй мы будемъ обозначать словомъ — *единодушіе* или конкретное единосушіе. Наболѣе высокая степень этого единодушія достигается въ организмѣ между тѣми его частями, которыя для объединенія своихъ дѣятельностей не нуждаются даже и въ нервныхъ проводникахъ.**)

Итакъ, въ организмѣ осуществляется въ значительной мѣрѣ подлинное, внутреннее единство, а техника создаетъ лишь призрачное, внѣшнее сближеніе, неорганическую смежность въ пространствѣ и времени. Бергсонъ обозначаетъ это различіе терминами — *организация и фабрикація*. Техника и ея процессы фабрикаціи создаютъ общеніе съ міромъ и воздѣйствіе на міръ внѣшнее, посредствомъ *орудій*; организация создаетъ общеніе внутреннее, посредствомъ *органовъ*, онтологически преобразовывая среду, ассимилируя ее, превращая ее изъ чуждаго мнѣ бытія въ органъ моего тѣла или превращая меня самого въ органъ существа, высшаго, чѣмъ человекъ. Таковъ отвѣтъ на вопросъ, какой иной путь, кромѣ техники, можно избрать для правильнаго усовершенствованія жизни: этотъ путь есть расширеніе организации.

Раньше, чѣмъ говорить, какъ можно представить себѣ расширеніе нашего организма, скажу нѣсколько словъ объ упроченіи и совершенствованіи уже достигнутаго. Нашъ собственный организмъ не вполне ограниченъ: идеалъ

---

*) Метальниковъ.

единодушія и гармоническаго сотрудничества не вполне осуществленъ нами даже и въ предѣлахъ нашего тѣла, что особенно обнаруживается въ случаѣ заболѣванія. Тогда мы прибѣгаемъ къ оглушающимъ средствамъ, къ брому, къ опию и т. п. лѣкарствамъ, между тѣмъ какъ въ первую очередь слѣдовало бы попытаться пробудить разумныя гармонирующія силы самого организма. Къ этой цѣли могли бы вести различные виды психотерапіи. Прежде всего я указалъ бы на тотъ видъ психотерапіи, который можетъ быть построенъ на ученіи объ организмѣ, какъ сообществѣ живыхъ дѣятелей, между которыми нормально существуетъ доброе согласіе. Такое ученіе могло бы быть положено въ основу метода самовнушенія, предложеннаго Куэ. Сущность этого метода состоитъ въ слѣдующемъ: больной, напр. тикомъ, старается достигнуть самовнушенія и преодолѣть нелѣпныя сокращенія мышцъ, прибѣгая не къ волѣ, а къ воображенію: онъ не отдаетъ приказаній органамъ своего тѣла, онъ не пытается путемъ волевого насилія покорить ихъ себѣ, а создаетъ лишь въ своемъ умѣ, путемъ воображенія, живое представленіе о себѣ, какъ человѣкѣ, живущемъ нормальною гармоническою жизнью, дающею полное удовлетвореніе. Такое самовнушеніе есть какъ бы попытка вызвать добровольное увлеченіе низшихъ центровъ идеаломъ нормально здоровой жизни. Такой приѣмъ подобенъ поведенію полководца, который не приказываетъ, не угрожаетъ, а увлекаетъ за собой полки

тѣмъ, что, схвативъ знамя, самъ бросается впередъ.

Другой видъ психотерапіи, гармонизирующей душу и тѣло, есть психо-анализъ *Фрейда*, примѣняемый для излѣченія психо-неврозомъ. Задача психо-анализа найти приведшую къ болѣзни психическую травму (психическое поврежденіе, которое вовсе не всегда сводится къ неудовлетворенію сексуальныхъ стремленій, какъ думаютъ нѣкоторые крайніе фрейдіанцы), которая, будучи оттѣснена въ подсознательныя нѣдра души, играетъ роль какъ бы занозы, какъ бы посторонняго тѣла, вызвающаго рядъ явленій, нарушающихъ цѣлость и гармонию душевной и телѣсной жизни. Осознавъ элементъ, нарушающій цѣлость душевной жизни, психо-терапевтъ устраняетъ ея вредное вліяніе, напр. путемъ гармонизирующей сублимации (путемъ сообщенія неудовлетворенной страсти возвышеннаго характера): такъ, въ супружеской жизни муки неудовлетворенной любви, ведущія къ тяжелымъ неврозамъ, могутъ быть излечены гармоническимъ сосредоточеніемъ всѣхъ силъ на материнской любви къ воспитываемому ребенку.

Органическіе методы лѣченія души и тѣла, до которыхъ медицина начинаетъ медленно добираться, давно уже найдены христіанскою религіею: у православныхъ и католиковъ таинство покаянія, связанное съ исповѣдью, есть могущественное средство исцѣленія душевныхъ ранъ и возстановленія цѣлости души. Зависть, неудовлетворенное честолюбіе, вражда осознаются кающимся

на исповѣди; благодаря наводящимъ соображеніямъ прозорливаго и сочувствующаго человѣческой душѣ священника, источники этихъ нарушеній гармоніи выясняются; все это происходитъ въ обстановкѣ, пробуждающей высшія силы, духа, ищущаго примиренія и высокаго духовнаго покоя въ условіяхъ, благопріятныхъ для сублимаціи; силы вѣрующаго человѣка сочетаются съ благодатною силою Церкви и ее главы Христа, и въ душѣ ичеловѣка происходятъ глубокія измѣненія, благодаря которымъ возстанавливается гармоническое отношеніе къ внѣшнему міру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренняя гармонія души; наряду съ этимъ оздоровленіемъ духа происходитъ, обыкновенно, и гармонизація тѣлесной жизни. Такое оздоровляющее вліяніе религіи есть фактъ, подтверждаемый научными изслѣдованіями. Такъ, проф. *Масарикъ* въ своей книгѣ «*Der Selbstmord als soziale Massenerscheinung*», основываясь на анализѣ множества статистическихъ данныхъ, приходитъ къ выводу, что количество психозовъ и самоубійствъ возрастаетъ параллельно съ утратою религіи и параллельно уменьшенію глубины религіознаго чувства.

До сихъ поръ я говорю объ усовершенствованіи жизни методами организаціи, а не техники въ примѣненіи къ нашему человѣческому организму. Теперь пойдемъ дальше. Сравнивая организмъ одноклѣточнаго съ нашимъ гораздо болѣе сложнымъ многоклѣточнымъ организмомъ, мы найдемъ, что здѣсь эволюція имѣетъ характеръ рас-

ширенія сферы органическаго единства, включенія все новыхъ и новыхъ существъ (клѣтокъ) въ дружескую ассоціацію дѣятелей, прекратившихъ въ значительной мѣрѣ борьбу другъ противъ друга и живущихъ болѣе или менѣе общою жизнью. То, что осуществлялось на пути развитія отъ низшихъ организмовъ вплоть до человѣка, почему бы не могло осуществляться и дальше въ формѣ созданія органическихъ единствъ, болѣе высокихъ, чѣмъ человѣческое тѣло, именно въ видѣ созданія такихъ организмовъ, въ которые человѣкъ входилъ бы, какъ элементъ, подобно тому какъ клѣтка, напр. красный кровяной шарикъ есть элементъ человѣческаго тѣла. Стоитъ задать этотъ вопросъ, какъ самъ собою напрашивается и отвѣтъ: такіе ступени жизни, такіе сверхбіологическіе организмы существуютъ. Въ самомъ дѣлѣ, общество пчелъ въ каждомъ ульѣ, общество муравьевъ въ муравейникѣ образуетъ единое цѣлое, въ которомъ каждая особь пчелы, муравья служитъ цѣлому такъ, какъ клѣтка въ нашемъ организмѣ, и цѣлое улья или муравейника подлинно есть существо высшаго порядка, чѣмъ отдѣльныя пчелы или муравьи, существо, совершающее цѣлостные целѣсообразные акты, недоступные отдельнымъ особамъ, входящимъ въ его составъ. Точно также государство, нація, народъ есть живое существо высшаго порядка, чѣмъ отдѣльные люди, входящіе въ его составъ.*)

*) См. мою статью объ этомъ: «Органическое строеніе общества и демократія». Современные Записки, вып. 25 и 27.

Насколько разнообразны эти единицы жизни высшего порядка, видно из того, что напр. лѣсъ, торфяное болото, озеро и т. п. могутъ быть разсматриваемы, какъ цѣлостныя живыя существа. Современное естествознаніе все болѣе заинтересовывается такими единствами и открываетъ въ нихъ процессы, указывающіе на органическую координированность другъ съ другомъ элементовъ ихъ, дающую право считать ихъ организмами высшего порядка. Философія давно уже развиваетъ такія ученія о строеніи міра, согласно которымъ всякій отдѣльный организмъ есть элементъ какого-либо болѣе сложнаго органическаго цѣлого, которое въ свою очередь входитъ въ составъ еще болѣе высокой живой единицы и т. д. вплоть до мірового цѣлого, которое есть всеобъемлющее живое существо. Таковы, напр., въ древности системы Аристотеля, Платона, въ новой философіи — система Дж. Бруно, Лейбница, въ новѣйшемъ философіи — ученіе Фехнера, Вундта, Эд. Гартмана, В. Штерна («Person und Sache») Лоссака («Миръ, какъ органическое цѣлое») и мн. др.

Если согласиться съ такими ученіями о строеніи міра, то нужно будетъ признать, что передъ каждымъ человѣческимъ я стоятъ двѣ задачи: во-первыхъ, воспитывать себя къ тому, чтобы быть совершеннымъ органомъ болѣе высокаго цѣлого, именно тѣхъ соціальныхъ единствъ (семьи, государства, націи и т. п.), къ которымъ человѣкъ принадлежитъ и, далѣе, того всеобщаго цѣлого, Царства Божія, къ которому ведетъ насъ Цер-

ковь; во-вторыхъ, готовить себя къ тому, чтобы занять въ іерархіи органическихъ единицъ жизни ступень, болѣе высокую, чѣмъ человѣческое существованіе.

Сущность первой задачи осознана всякимъ культурнымъ человѣкомъ, она состоитъ въ томъ, чтобы быть хорошимъ семьяниномъ, добрымъ патриотомъ, вѣрнымъ сыномъ Церкви и т. п., — поэтому не буду говорить о ней больше. Вторая же задача представляетъ собою нѣчто весьма своеобразное, понятное только тому, кто вдумался въ перечисленные выше философскія ученія, напр. въ ученіи Фехнера. Для большей ясности я изображу наглядно, о чемъ идетъ рѣчь.

Согласно такимъ ученіямъ напр., вся наша планета, Земля, есть живое существо, обладающее единымъ сознаниемъ. Всѣ воспріятія отдѣльныхъ существъ, живущихъ на землѣ, людей, животныхъ, растений и также всѣ чувства и стремленія ихъ сочетаются въ единомъ сознаниіи Земли въ одно цѣлое воспріятіе и знанія, а также чувства и воли, осложняясь на этой основѣ безконечно болѣе богатымъ и значительнымъ содержаніемъ, чѣмъ все, что можно найти въ нашемъ индивидуальномъ сознаниіи.

Единая жизнь въ грандіозномъ масштабѣ присущая Землѣ, въ менѣе сложной формѣ присуща каждому болѣе или менѣе единому участку Земли, напр. Йеллоустонскому парку въ Соединенныхъ Штатахъ Америки или Гарцу въ Германіи. Развивая въ себѣ органическія силы, человѣкъ можетъ расширить свое

бытіе; онъ можетъ достигнуть того, что тѣломъ его будетъ цѣлый такой участокъ Земли, и органами его дѣятельности будутъ не двѣ руки, двѣ ноги, а цѣлыя живыя существа, а также ручки, пласты земли и т. п., входящія въ составъ этого участка Земли. Чтобы подняться на такую болѣе высокую ступень бытія, необходимо развивать въ себѣ способность непосредственнаго видѣнія, живого чуянія чужой жизни съ такою же конкретною полнотою и съ такимъ же живымъ участіемъ, какъ это мы осуществляемъ въ отношеніи къ своему тѣлу; на основѣ такого живого чуянія можно развить въ себѣ далѣе умѣніе такъ сродниться съ чужою жизнью, чтобы дѣйствовать въ другомъ существѣ, сочетая съ нимъ свои силы такъ же, какъ мы дѣйствуемъ въ своихъ органахъ, мышцахъ руки, ноги и т. п. Современный англійскій философъ *Карпентеръ*, при держивавющійся взглядовъ, близкихъ къ ученію Фехнера, въ своей книгѣ «Любовь и смерть» (гдѣ онъ задается вопросомъ, какъ развить въ себѣ умѣніе правильно любить и умѣніе достойно умирать) утверждаетъ, что человѣкъ, подготовившій себя къ такому расширенію сознанія и усложненію тѣла, можетъ перейти въ новую форму бытія безъ рѣзкого разрыва, безъ мимолетной даже утраты сознанія.

Сопоставимъ теперь два пути жизни — технической и органической. Техника создаетъ не внутреннее, а внѣшнее объединеніе человѣка съ міромъ. Она осуществляетъ общеніе съ міромъ, но это общеніе не поднимаетъ человѣка онтологиче-

ски на болѣе высокую ступень: силы усвоенія остаются прежними, а количество усваиваемаго матеріала чрезвычайно возрастаетъ. Отсюда возникаютъ нарушенія гармоніи душевной и телѣсной жизни, особенно въ формѣ психо-неврозовъ. Хуже всего то, что чрезмѣрное увлеченіе техникою можетъ повести человѣка на такой путь, на которомъ высшія способности не только перестанутъ развиваться, но и заглохнутъ: можетъ исчезнуть интересъ къ нимъ и потребность развитія ихъ подъ вліяніемъ суррогата ихъ, даваемого радіо, автомобилями и т. п.

Конечно, указывая на этотъ недостатокъ технической культуры, я вовсе не рекомендую отказаться отъ современной техники. Поскольку мы стоимъ на низшей ступени духовнаго развитія, намъ необходимо, не только созиданіе высшихъ органовъ, но еще и вспомогательныя пособія въ формѣ пользованія орудіями. Я предлагаю только осознать неполноту жизни, основанной на технической культурѣ, и необходимость углубить ее путемъ развитія высшихъ способностей и органовъ. Это та задача, о которой говорятъ оккультисты, іоги, маги и т. п. Однако не въ составѣ ихъ ученій излагаю я этотъ вопросъ, потому что пути развитія, предлагаемыя ими, медитация, воспитаніе мощной воли, магически воздѣйствующей на міръ и т. п., сомнительны: сила, приобретаемая этими искусственными, тепличными средствами, не застрахована отъ діавольскихъ соблазновъ, она легко можетъ вступить

на путь хищничества, эгоцентрическаго покоренія себѣ міра.

Есть другой путь, вытекающій прямо изъ христіанскаго идеала, имѣющій въ виду не временныя земныя блага, а конечную цѣль: царство свободнаго любовнаго единенія всѣхъ существъ, въ которомъ «Богъ есть всяческая во всѣхъ», въ которомъ всѣ существа свободно сочѣтаются въ «Едино Тѣло и Единъ Духъ».

Вселенскій организмъ, о которомъ говоритъ христіанская религія, уже существуетъ даже и здѣсь на непреображенной еще землѣ, правда, въ зачаточномъ видѣ; намъ не нужно впервые создавать его, нужно только съ помощью Божіей содѣйствовать возрастанію его. Задача

эта аналогична той, о которой я говорилъ, рассуждая о совершенствованіи нашего человѣческаго тѣла путемъ очищенія души, гармонирующаго нашу душевную и тѣлесную жизнь. Точно такъ-же и раскрытіе новыхъ способностей и созданіе новыхъ органовъ, поднимающее насъ на болѣе высокую ступень во вселенскомъ организмѣ, и приближающее его и насъ къ идеалу, надежно достигается все тѣми же средствами: очищеніемъ чувства и воли, гармоническимъ отношеніемъ къ міру, возрастаніемъ въ насъ любви ко всѣмъ тварямъ и къ Богу.

Н. ЛОССКІЙ.